

На правах рукописи

ТИХОМИРОВА Елена Евгеньевна

КУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

003464051

Кемерово 2009

На правах рукописи

ТИХОМИРОВА Елена Евгеньевна

КУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Кемерово 2009

Работа выполнена на кафедре теории, истории культуры и музеологии
ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Исакова Надежда Всеволодовна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Донских Олег Альбертович

кандидат философских наук, доцент
Ргищева Оксана Владимировна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
технический университет»

Защита состоится 20 марта 2009 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 210.006.01 по защите диссертаций на соискание степени доктора культурологи при ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» по адресу 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, ауд. 218.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 210.006.01
кандидат культурологии, доцент

Н. И. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Изучение взаимосвязей языка и культуры находится в центре современных гуманитарных исследований. Становление информационного общества обуславливает рост научного интереса к процессам циркулирования информации, формам и способам ее производства, передачи и хранения. Ведущая роль в этих процессах принадлежит естественному языку.

Под естественным языком подразумевается неконвенциональная знаковая система, исторически сложившаяся под функции познания и коммуникации, в противовес искусственным (машинные языки) и плановым (например, эсперанто) знаковым системам. Посредством естественного языка общество и индивид получают огромный объем информации о мире, изменениях в нем. Эта информация структурирована благодаря категориям (пространства, времени, целого, части, общего, единичного и т. д.), с помощью которых человеческое сознание организует свое представление о мире.

Но в современный период наблюдаются деструктивные тенденции в области языка. Язык утрачивает свою роль в адекватной передаче знаний о мире. Распадаются языковые нормы на всех уровнях системы, в язык неоправданно заимствуется избыточное количество иноязычных слов, происходит нивелирование стилевых различий, деформируется и самая устойчивая структура – грамматическая, что приводит к дисфункциям языка. Разрушается его познавательная и коммуникативная роль в обществе и роль транслятора культуры. В связи с этим возникает потребность в изучении языка как многоуровневой системы и языка как части культуры.

В культуре язык соотносится с такой сферой человеческой деятельности, которая концентрирует в себе мировоззрение членов сообщества (систему ценностей, норм), т. е. выступает точкой отсчета в анализе любого вида деятельности – в нашем случае, языка. Этой сферой является культура – область смыслов (семантика человеческой деятельности), принципиально значимая для человека как сознательного существа.

Степень научной разработанности проблемы. Для исследования феномена культуры и языка необходимо обратиться к трудам по философии и теории культуры. Именно на базе анализа множества трактовок культуры выделяются такие общие из них, в которых культура определяется через соотношение с человеком. Это – «технологическое» определение культуры (Э. С. Маркарян, М. С. Каган, В. Е. Давидович, Ю. С. Жданов, американские культурантропологи: А. Кребер, Л. Уайт, Б. Малиновский, К. Клакхон, Д. Бидни, А. Радклиф-Браун, Ф. Боас и др.), суть которого: культура есть внебиологический способ деятельности человека. И это – «аксиологическое» понимание культуры (В. М. Межуев, Н. С. Злобин, В. Ж. Келле, Л. Н. Коган и др.): различные варианты трактовки сущности культуры как развития человека в качестве разумного существа.

В работах Н. В. Исаковой доказывается приоритет аксиологического определения культуры как наиболее глубинного – базового (а «технологического» как общенаучного) через рассмотрение человека (человеческого общества) в предельно широкой системе координат – общеэволюционном процессе. При таком подходе культура, или развитие человека как разумного существа, предстает принципиальной его чертой, т. е. родовой характеристикой, а, следовательно, нормой деятельности. Норма раскрывается через более конкретные характеристики деятельности человека – системность и универсальность.

В лингвистике и в лингвокультурологии также имеют место представления о нормативности, системности и универсальности.

Язык как систему впервые рассмотрел В. Гумбольдт. Ф. де Соссюр определил язык как целостную систему знаков, сравнил его с другими знаковыми системами и тем самым высказал идею создания семиотики, т. е. введения естественного языка в более широкую систему координат. В работах Р. О. Якобсона, С. О. Карцевского, А. Мартине, Е. Д. Поливанова язык предстает как динамическая, знаковая, коммуникативная, развертывающаяся во времени система, имеющая функции в системе высшего порядка, в общественной жизни. В работах Р. О. Якобсона, Дж. Х. Гринберга, Б. А. Серебренникова, Б. А. Успенского многомерные классификации языковых подсистем связаны с выявлением языковых универсалий, что позволяет судить не только об их отдельных свойствах, но и в целом о человеческом языке как системе коммуникации.

Языковые универсалии, провозглашенные Дж. Гринбергом, понимаемые как закономерности, общие для всех или большинства языков, были выстроены в систему Т. Гивоном, Ч. Н. Ли, К. Ажежем, С. Д. Кацнельсоном. Они показали, что языковые универсалии определяют ограничения, которые накладываются на естественный язык: на фонетическом уровне – общими свойствами речевого аппарата человека (Э. Сепир, А. А. Реформатский, Р. О. Якобсон), на лексическом уровне – единым для всего человечества способом осмысления действительности (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Н. И. Жинкин, Г. Гийом, Ю. С. Степанов, Вяч. Вс. Иванов, Н. Б. Мечковская и др.). Дж. Гринбергом, Ч. Осгудом, Дж. Дженкинсом было доказано, что универсальная иерархическая упорядоченность всех языковых элементов проявляется в закономерностях устройства человеческого языка вообще.

Начиная с Платона и Аристотеля, философы в течение Средних веков под универсалиями понимали объективное содержание общих понятий. В Новое время, особенно в XX веке, выдвигается общественный аспект универсалий (А. Н. Уайтхед). В социологии Т. Парсонса «эволюционные универсалии» (первая из которых – система коммуникации) повышают адаптивные способности социальной системы. М. К. Петров, рассматривая универсалии социального кодирования, связывает их непосредственно с языком и «знаковой реальностью культуры».

Отечественные философы культуры Т. И. Ойзерман, В. С. Степин, А. Я. Флиер, К. М. Хоруженко, А. Я. Гуревич понимают под культурными универсалиями некие инвариантные ценности всех культур. Философами и культурологами было отмечено, что на уровне семантики, на уровне смыслов существует корреляция «культурных универсалий» (также понимаемых как «всеобщие»), однако отсутствует расшифровка «культуры»).

Культурантропологи (Дж. Мердок, К. Клакхон, К. Уислер) выделили сам язык как культурную универсалию – фундаментальную черту, присущую всем культурам.

Нормативность как центральное звено литературного языка в лингвистической традиции рассматривается как совокупность правил выбора и употребления языковых средств в определенном обществе и в определенную эпоху (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. А. Леонтьев, С. И. Ожегов, Н. Д. Арутюнова). Важным для нашего исследования являются выводы А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, Л. П. Крысина о том, что норма выполняет функцию сохранения национального сознания и традиционной культуры, она культивируется и сама является результатом сознательного сохранения традиции.

Нормами функционирования языковых знаков в речи (социальный контекст существования языка) начали заниматься семиотики Ч. У. Моррис, Дж. Остин, Дж. Р. Сёрл, З. Вендлер и др. Для нашей работы значение имеют положения о том, что информация, в том числе о языковой и культурной норме, организуется в форме сценариев, фреймов (Н. Минский).

Связь языка с культурой как областью смыслов стала очевидной на рубеже XIX и XX веков, когда в недрах американской культурной антропологии возникла этнолингвистика (Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Л. Уорф и др.). В 1970-е годы возникает лингвокультурология на стыке изучения языка и культуры. Ю. М. Лотман и Тартуская семиотическая школа выявили и описали специфику языка как первичной знаковой системы, а явления культурного ряда – как вторичные моделирующие системы. В русле семиотического и лингвокультурного подхода изучаются объективирующиеся в языке и исторически обусловленные особенности менталитета народа, осваиваются понятия «прецедентный текст» (Ю. Н. Караулов), «прецедентный феномен» (В. В. Красных), «концептосфера» (Д. С. Лихачев), «культурный концепт» (Ю. С. Степанов). Активно разрабатывается понятийно-терминологическое поле лингвокультурной концептологии, которая трансформирует традиционное отношение «язык – культура» в отношение «язык – сознание – культура».

Ведущие специалисты в области лингвокультурологии (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, А. А. Вежицкая, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, И. В. Телия, В. А. Маслова и др.) выходят в своих фундаментальных, обобщающих исследованиях в сферу культуры, однако не дают содержательного – ценностного – критерия для анализа языковой действительности, не дают аксиологической трактовки этой связи.

Обзор литературы показывает, что языковеды движутся в направлении «размыкания» собственно лингвистических исследований, выхода в социокультурный контекст. Сама логика анализа подсказывает, что язык – несамодостаточная система, он – часть более широкой системы. Не случайно возникают такие научные направления, как сначала – семиотика, а затем отрасль знания с говорящим названием – лингвокультурология.

Во-первых, большинство исследований, осуществляемых языковедами, идут от анализа собственно языка к рассмотрению функционирования языка в культуре, установлению связей между внутренними закономерностями и внешними. Иными словами, будучи разнообразными и многочисленными, эти характеристики все же не позволяют составить целостное представление о взаимоотношениях языка и культуры.

Во-вторых, содержательно не истолковывается сам термин «культура». Это приводит к практическому неразличению, качественно, понятий культуры и общества (что свойственно «технологической» трактовке культуры) и, в конечном счете, к нивелированию принципиальной специфики человека – направленному движению человеческого общества (что как раз отражено в аксиологической концепции культуры). Из этого следует невозможность реального системного видения языка – как открытой системы и элемента более широкой системы: инструмента деятельности человека, имеющей направленность (в отличие от поведения животных). Отсутствие системных исследований по данному вопросу оборачивается частичностью или субъективизмом выводов.

Поэтому необходимо встречное движение от исследований культуры к осмыслению языка как ее элементу. Именно это могут обеспечить культурологические разработки соответствующего профиля. Следовательно, только на стыке наук, при интеграции научных исследований – философско-культурологических, с одной стороны, и лингвистических и лингвокультурологических, с другой, – возможно адекватно решать современные культурологические проблемы, то есть предполагается схождение исследовательских путей в некотором пункте, в равной мере относящемся и к культурологическому, и к лингвистическому аспектам анализа.

Проблема заключается в том, что под влиянием массовой культуры происходит игнорирование генетических и функциональных основ естественного языка, что приводит к разрушению коммуникативных основ современной культуры. Усложнение культурных и социальных связей в обществе требует адекватного канала для передачи разнообразной информации, что вызывает необходимость реконструкции генезиса и функционирования основ естественного языка на основе достижения современной гуманитарной науки.

Объект и предмет исследования определяются проблемной ситуацией.

Объект исследования – естественный язык как фактор культурных процессов.

Предмет исследования – генезис и функционирование классических языков в истории европейской культуры.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в методологическом и практическом анализе использования классических языков в культуре.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

1. Обоснование семиотического подхода как способа культурологического исследования классических языков.

2. Выявить языковые аналоги культурной нормы путем соотнесения общезначимых универсальных смыслов с базовыми характеристиками языка, с его системной организацией.

3. Определить системообразующий элемент организации языка, пронизывающий все его уровни, связывающий биологические предпосылки формирования естественного языка и семантический уровень языковой системы.

4. Изучить специфику языковой универсалии, адекватно передающего культурную норму.

Методология и методы исследования

Основную методологическую базу исследования составил системный подход, который позволил раскрыть целостность объектов: человек, язык, речь, универсальные культурные ипостаси языка. Наиболее значимым для изучения социального функционирования языка стал аксиологический подход (В. М. Межуев, Н. С. Злобин, В. Ж. Келле, Л. Н. Коган, Н. В. Исакова и др.). Наряду со структурно-функциональным анализом системный подход дал возможность проследить взаимосвязь языка и культуры, их взаимообусловленность в системе синхронных и диахронных взаимодействий.

В работе использован семиотический подход (Ч. С. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр, У. Эко), рассматривающий язык как первичную, базовую, моделирующую знаковую систему, над которой надстраиваются вторичные системы – от религии до литературы. При этом естественный язык представляет собой специфический способ интерпретации этих вторичных систем (К. Леви-Строс, Р. Барт, Ю. М. Лотман, В. Т. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, Н. И. Толстой).

В изучении универсалий естественного языка наиболее продуктивными оказались труды Н. И. Жинкина, Вяч. Вс. Иванова, Ю. С. Степанова и др. Проблемы кодирования информации в структурах мозга исследовались с опорой на работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, Н. И. Жинкина, Р. О. Якобсона. При рассмотрении языка как системы систем наиболее полезными стали классические труды Ф. де Соссюра, С. О. Карцевского, А. Мартине, Е. Д. Поливанова, А. А. Реформатского.

В работе использован ряд конкретно-лингвистических методов: наблюдение, сравнительно-исторический, формальный анализ языковых структур.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Обосновано эффективное использование семиотического подхода для адекватного анализа современных языковых процессов, достраивания системного видения социального функционирования языка.

2. Установлена аналогичность, параллельность содержательных признаков культурной нормы (системности и универсальности – и всеобщности, и «вписанности» в Универсум) человеческой деятельности, с одной стороны, и базовых, общепризнанных характеристик языка – системности, универсальности, нормативности, с другой стороны.

3. Обнаружена языковая культурная универсалия – универсалия, содержащая квинтэссенцию культурных смыслов, позволяющая напрямую соотнести язык с культурой. Это языковая культурная норма – матрица, элементами которой являются субъект, человек, системно вписанный в мир, и деятельность.

4. Обосновано эксплицитное наличие языковой культурной нормы в классических языках, выступающих этимологической и структурной основой современных европейских языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семиотический анализ языка как элемента более широкой системы, на стыке языка и культуры как нормативной характеристики человека, выражает языковой феномен, обнаруживающий их нормативное культурное значение.

2. Связь культуры и языка осуществляется с помощью языковой культурной универсалии, являющейся языковым аналогом культурной нормы. И как культурная норма она обладает динамикой в диахронии, в синхронии и зависит от субъективных (психологических) особенностей индивида.

3. Языковая культурная универсалия присутствует на всех уровнях языковой системы, но более всего – в семантике, то есть является языковой культурной нормой. Однако существование нормы подразумевает и отклонения от нее, которые находят свое выражение в утрате одного или нескольких компонентов нормы (субъекта, деятельности или объекта) как в рамках одной культуры, так в ситуациях взаимодействия разных культур.

4. Взаимосвязи языка и культуры (языковая культурная норма) могут быть представлены в виде матрицы: $S - V - O$, где S – субъект, человек системно вписан в мир (O) посредством деятельности (V), осуществляемой во времени. В современной культуре меняется иерархия языковых функций: коммуникативная стала преобладать над когнитивной, в связи, с чем иногда утрачивается языковое и культурное содержание коммуникативного акта.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Использование в работе семиотического и лингвокультурологического подходов к анализу языка (широкий контекст исследования, формирование методологических понятий «человек», «культура») выявляет варианты преодоления постмодернистских тенденций в становлении новой гуманитарной нау-

ки – лингвокультурологии. Полученные результаты могут быть использованы в качестве критерия для сравнительных исследований языковых процессов в разных сообществах, проблем межкультурной коммуникации (от национального до глобального). Проведенное исследование обеспечивает новый теоретический вектор в исследовании языковых процессов, а также увеличивает проблемное поле в области теории культуры, истории культуры, лингвокультурологии и семиотики, формирует основы для междисциплинарных взаимодействий.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов для рекомендаций по преподаванию классических языков в вузе и средней школе; обучению иностранных студентов русскому языку и русских студентов иностранному. Они также могут найти применение при выработке стратегии социального управления и социальной политики в области языка и в сфере планирования образования (его приоритетов, содержания и структуры).

Материалы диссертации использовались при разработке и чтении курсов «Мировая художественная культура», «История искусства и литературы», «Латинский язык», «Античная литература», «История мировой культуры и литературы» для студентов гуманитарных специальностей, «История русской культуры», «Страноведение» для иностранных студентов, а также для написания учебных пособий и учебно-методических комплексов по данным дисциплинам.

Апробация работы. Основные идеи диссертационного исследования были представлены на следующих научных конференциях и семинарах: международная научно-практическая конференция «Этногенез и цивилизованные перспективы в образовании России» (Новосибирск, 2004); международная научно-практическая конференция «Социокультурные проблемы современной молодежи» (Новосибирск, 2006); IV международная конференция «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 2007); I международная научно-практическая конференция «Профессиональное образование: от теории к практике» (Новосибирск, 2008); II международная научно-практическая конференция «Инновации в педагогическом образовании» (Новосибирск, 2008); всероссийская научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А. В. Эдакова (Новосибирск, 2007); региональный семинар-совещание «Межкультурная коммуникация как цель и средство обучения в вузе» (Иркутск, 1999).

Материалы диссертации использовались автором при чтении курсов по классическим языкам, истории культуры, искусства и литературы, общего языкознания, культуре речи в Новосибирском государственном педагогическом университете в 1991–2009 годах, курсов русского языка и страноведения в Шаньдунском педагогическом университете (КНР, 1994–1995 учебный год), Второй Новосибирской гимназии (1996–2009 гг.).

Диссертация в полном объеме обсуждалась на заседании кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 3 глав, заключения и списка литературы (314 наименований). Объем диссертации – 222 страницы.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Основное содержание диссертации. Во введении обосновывается актуальность темы диссертации и поэтапный характер разработки проблемы и имеющихся результатов, определяются цель, задачи, проблема, предмет и объект исследования, рассматривается его методологическая и эмпирическая база, определяются научная новизна работы, формируются положения, выносимые на защиту, устанавливается теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, указывается, где и когда были апробированы результаты, излагается структура диссертации.

В главе I «Методологические основы изучения естественного языка» проводится методологический анализ истории развития лингвистической науки от изучения грамматики языка к исследованию его семантики. Это позволило увидеть параллельные процессы в развитии культурологии от грамматики и семиотики культуры к лингвокультурологии.

В параграфе 1.1 «Семиотическое видение языка» показывается, как культурология и философия XX века осознали, что понять природу языка, его сущность можно, исходя лишь из культурного универсума, человека, его общественной сущности. В связи с этим появилась необходимость создания единой теории языка, человека и его культуры. Семиотика увидела эту связь и выразила ее в проблемах: язык и другие системы коммуникации; язык и знаковое поведение человека; язык и мышление, его разум; язык и текст; язык как хранилище коллективного опыта человека и др.

Основные принципы семиотики сформулировал еще в XIX веке Ч. С. Пирс. Затем семиотика приняла лингвистический уклон под влиянием идей структурной лингвистики Ф. де Соссюра и основателя датского лингвистического структурализма Л. Ельмслева и философский уклон под влиянием идей американского философа Ч. Морриса.

Во второй половине XX века образовалась французская школа семиотики (К. Леви-Строс, А. Греймас, Ц. Тодоров, Р. Барт, Ю. Кристева) и тартуско-московская (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов – Тарту; В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, Б. А. Успенский, И. И. Ревзин – Москва). Ими было показано, что наиболее фундаментальной и универсальной знаковой системой является естественный язык, поэтому структурная лингвистика и семиотика естественного языка – синонимы. Ведущим представлением о языке становится понимание языка как фундаментальной знаковой (семиотической)

системы, которая порождает другие языки (семиотики) культуры. Естественный язык в ряду моделирующих систем лежит в основе искусства, религии как разновидностей моделирующей деятельности. Содержанием вторичных систем выступает мир, «переведенный на язык нашего сознания» (Ю. М. Лотман). Под «вторичными моделирующими системами» имеются в виду также семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. Эти системы являются вторичными по отношению к естественному языку, над которыми они надстраиваются – непосредственно (надъязыковая система художественной литературы) или в качестве параллельных ему форм (музыка или живопись). «Системой систем», базирующейся на естественном языке, Ю. М. Лотман называет культуру.

Современное состояние комплексных исследований показывает, что безуспешным оказалось стремление отыскать универсальный метод, аппарат и пр., которые позволили бы понять с единой точки зрения практически все явления знаковой природы, в том числе и естественного языка. Отталкиваясь от идей Соссюра, представители семиотического направления настаивали на произвольности природы знака, коллективном характере языка и его изначально коммуникативной природе.

Более продуктивным представляется лингвокультурологический подход (А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова и др.), которые перешли от грамматики языка к его семантике. Лингвокультурология поставила перед собой задачу целостного и системного выстраивания единиц языка и единиц культур. Наметился вектор сближения «технологических», структуралистских теорий с культурологией, философией, антропологией, что позволит дать аксиологическое определение языка, в более широкой системе координат, определить феномен человека и культуры.

В параграфе 1.2 «Культура как призма для анализа языковых феноменов и процессов» задается контекст изучения современных процессов в области языка – культурологические и философские представления о человеке.

Подходов к пониманию человека имеется целый ряд. К числу наиболее распространенных и специализированных (нацеленных на исследование человека) относится, в частности, определение сущности человека как совокупности общественных отношений и трактовка представителями немецкой философской антропологии (А. Гелен, М. Шелер) человека как существа биологически неспециализированного, а потому недостаточного. Очевидно, что оба определения не удовлетворяют поставленному условию возможности фиксировать изменения в жизнедеятельности человека. А понимание представителями культурно-философской антропологии (Э. Ротхакер, М. Ландман) человека как культурного существа раскрывается как использование человеком в своей деятельности символов, символических форм. Здесь тоже нет отсылки к содержательному, ценностному (оценочному) пониманию деятельности, в частности, языковой.

В рамках эволюционистических представлений (В. И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден) человек рассматривается и как ступень общей эволюции, и идентифицируется с ноосферой или культурой (условия нашли отражение), но не получает целостной трактовки. В неозволюционизме (Л. Уайт), где стадия человека обозначается как культурная эволюция, последняя понимается скорее как цивилизация: связывается с ростом энергии, контролируемой человеком.

Предложен вариант понимания человека в контексте общей эволюции (Н. В. Исакова). Толкование направленности данного процесса входит в определение человека как этапа его. То есть в трактовку сущности человека как существа эволюционирующего закладывается понимание вектора динамики (эволюции). В этих рамках человек характеризуется как существо биосоциокультурное, где культура выступает родовым признаком, фиксирующим и уровень человека на общеэволюционной лестнице, и направленность человеческой деятельности (соответствие магистральной тенденции общей эволюции). Иными словами, культура оказывается принципиально важной для оценки деятельности человека.

В рамках этой же концепции сопоставляются разные точки зрения на культуру, обосновывается приоритет аксиологической (развитие человека как разумного существа), конкретизируется понимание культуры как характеристики деятельности: системной, универсальной (имеющей всеобщий характер и «встроенный» в Универсум), нормативной. Эти характеристики важны как аспекты анализа языковой деятельности.

В главе II. «Естественный язык: поиск культурных оснований» выявлены две значимые составляющие в анализе языка с точки зрения культуры (связанные между собой универсальность и системность человеческой деятельности), которые в культурологическом и философско-антропологическом аспектах понимаются как системное «встраивание» человека в широкий контекст – Универсум. Подробное рассмотрение строения, становления, функционирования естественного языка позволило обнаружить языковой феномен (феномены) как некую единицу анализа (или точку отсчета), которая имеет принципиальное культурное значение, т. е. является языковой культурной нормой.

В параграфе 2.1 «Универсалии и системность естественного языка» универсальность естественного языка, согласно традиции изучения этого явления, рассматривается как всеобщность, как неотъемлемое свойство человеческой природы. На современном этапе исследований наличие языковых универсалий представляется обусловленным единством биологической и психологической организацией человека как вида *Homo Sapiens*. В естественном языке отразились предпосылки и закономерности эволюционного процесса (Б. А. Успенский). Речевые зоны левого полушария, язык жестов, вероятно, определивший последовательность звуков (Б. А. Успенский, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский), отражают древнейшие процессы склады-

вания членораздельной речи в связи с выделением общения из непосредственного процесса производства в самостоятельную деятельность (А. Г. Спиркин).

Общие биологические корни и общее развитие обусловили сходство различных племен человеческого сообщества и общую биологическую и психологическую основу сходства языков. Она представляется в ряде зависимостей между интеллектуальными потребностями и возможностями человека, с одной стороны, и строением языка, с другой. Объяснение универсальных черт языков, в первую очередь, биологически основывается на врожденности речемыслительных механизмов, генетически запрограммированных в нейрофизиологических структурах мозга человека (А. Р. Лурия, Л. С. Выготский, П. К. Анохин и др.). Языковая память может быть охарактеризована как общее свойство нервной ткани, закодированная в РНК и ДНК (Г. Хайден, Дж. Барбизе, К. Ажеж).

Таким образом, исследуемые языковые универсалии есть исходный пункт поиска языковых культурных феноменов. Всеобщий характер универсалий естественного языка как инструмента человеческой жизнедеятельности обусловлен общностью природы человека. Подчеркнуто, что существуют параллельные, смежные термины, связанные с универсальностью языка («универсалии» как общие понятия в философии, «культурные универсалии» в культурантропологии, «универсалии эволюции» в социологии). Все они напрямую или косвенно соприкасаются с языковыми универсалиями. Однако в их дефинициях требуется уточнение понятия «культура», точное отграничение их от культурных архетипов, культурных норм и культурных образцов.

Языковые универсалии можно расположить по уровням – сторонам связи с человеком как создателем и носителем языка. Они выстраиваются в иерархический ряд: от материального к идеальному (от физического к семантическому, от уровня бессознательного к осознанному уровню). Это свидетельствует о том, что выделенные универсалии являются не случайным набором некоторых сущностей, а иерархией уровней, упорядоченностью. То есть они предопределены к образованию системы.

Что касается функций языка, то в научных трудах описаны различные наборы функций в зависимости от контекста исследования. На основании ранжирования выделенных функций делается вывод о возможности их систематизации: 1) рационально-технологические (общения, познания, моделирования поведения): когнитивная, коммуникативная, хранения и передачи самосознания и традиционной культуры; волюнтаривная, и 2) эмоционально-психологические: экспрессивная (эмотивная), поэтическая, магическая. Среди функций просматриваются определенные корреляции. В первую очередь, базовыми функциями являются когнитивная, коммуникативная и экспрессивная.

Ядром этой системы, с точки зрения человекомерности, является лексический уровень, который складывается из предыдущих двух уровней (фо-

нетического и морфологического) и является элементом, строительным материалом для последующего – грамматического уровня. Именно на уровне лексики происходит смыслообразование, концентрация смыслов – это и есть характеристика языка как инструмента человеческой деятельности. Концентрация смыслов на лексическом уровне и нарастание семантики отражает специфику человеческой деятельности.

В параграфе 2.2 «Формирование системности естественного языка (индоевропейский вариант)» показано, что язык, являясь системой систем, где предыдущий уровень является строительным материалом для последующего, уже на фонетическом уровне закладывается стержень для формирования более сложных уровней. Это позволило ряду ученых (А. Мейе, Э. Бенвенист, Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе, О. Семереньи, А. Н. Савченко и др.) выдвинуть гипотезу, что на основе реконструкции фонетической системы индоевропейского праязыка возможно воссоздать его морфологическую, лексическую и часть синтаксической структуры, а так же культуру индоевропейцев. В целом эта языковая система характеризовалась иерархичностью, а все уровни построены по принципу бинарных отношений, начиная с фонетического уровня. Можно предположить, что бинарная оппозиция, постулированная еще Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном, – системообразующая, сквозная характеристика языка, ибо если язык несет информацию, смыслы, то бинарная оппозиция – это универсальное средство членения мира, способ подачи информации о мире человеческим сознанием. Маркирование границ бинарной оппозицией, возможно, – это обозначение границ мира, причем в разных плоскостях.

Особое внимание обращено на бинарные оппозиции гласных $\bar{o}/\bar{\delta}$ и \bar{e}/\bar{e} , составляющие специфическую черту системы гласных индоевропейского праязыка. Эти чередования выстраиваются в базовое (пронизывающее все языки подсистемы и имеющее осложненные варианты) чередование $\bar{o}/\bar{\delta}/\bar{e}/\bar{e}$. Оно реконструируется всеми исследователями. В ряде ранних теорий происхождения гласных индоевропейского праязыка, начиная с Ф. де Соссюра, чередование o/e и его варианты рассматриваются как развитие древнейшей (возможно, и единственной изначально) гласной e . На этом положении построена теория индоевропейского корня Э. Бенвениста, ее принимают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Если обратиться к протомодели языка (Г. Шухардт, Ж. Пиаже, С. Д. Кацнельсон), основанной на понятии синкретичного слова, обозначающего событие в целом, которое со временем расчленяется на событие и его предметную основу, выделяются специализированные событийные слова-глаголы и предметные имена, то можно соотнести данные рассуждения с тем, что синкретичный первоначально звук e , сначала дифференцируется (по воздействию определенных фонетических факторов) на чередование o/e , которое приобретает конкретное лексико-грамматическое значение. Оно последовательно разграничивает две базовые категории: ступень чередования e – глагол, ступень o – имя (в терминах грамматики), се-

мантику и предикативность (в терминах семиотики), материю и движение (в терминах философии материализма). Гипотеза о том, что фонетическое противопоставление имени и глагола было основано на становлении различного взгляда на мир человека действующего – угрожающее поведение особи, управляющей социумом – и человека созерцающего – подчиненное поведение особи подчиняющейся – (Ю. В. Мониц) так же вписывается в общий ход исследования.

Автор одной из первых обобщающих работ о языковых универсалиях Ч. Ф. Хоккет выделяет основное противопоставление классов и форм «имя» – «глагол». Эта дуальность универсальных структурных компонентов языка (имя, являющееся субъектом и объектом при описании мира, и глагол, предназначенный для описания связей между субъектом и объектом) является одним из определяющих признаков языка.

Таким образом, противопоставление «имя – глагол», маркированное еще на уровне фонетики чередованием *o/e* в индоевропейском языке, с одной стороны, описывает целостность человеческой деятельности, с другой стороны, описывает противоречие между двумя сторонами: семантикой и предикативностью. Очевидно, что на первых же этапах, на уровне фонетики были заложены зачатки семантики смыслов, которые затем развиваются на последующих уровнях и с наибольшей яркостью, на лексическом уровне, где ядро естественного языка как системы выражено наиболее полно. Что закономерно, ибо язык – инструмент человека как существа сознательного. Начиная с фонетики (с чередования *o/e* в индоевропейских языках), выражается взаимоотношение человека и мира. Чтобы отношения человека с миром были адекватны для выживания, необходимо адекватно воспринимать мир. Чередование *o/e* выделяет человека из мира, отличает человека от животных. Животное не выделяет себя из окружающего мира, не идентифицирует себя как «самость» (один из шести основных архетипов у человека К. Г. Юнга). За счет деятельности сознания происходит движение от синкретичности (праиндоевропейского *e*) к расчленению, смысловой бинарности субъект /действие, субъект/объект и т. д., что и составляет стержень взаимоотношений человека и мира.

Очевидно, что эти дифференциации имеют принципиальный культурный смысл, так как культура, по сути, и есть деятельность по освоению мира. Дальнейшая категоризация мира в языке нанизывается на стержень бинарных оппозиций, развитие мыслительных категорий совершается путем поляризации (Э. Кассирер). Семантика естественного языка закрепляет результаты обращения и познания объективного мира, достигнутые в общественной практике людей. В европейской культуре были выработаны на основе грамматических оппозиций понятия «субъект – предикат», «субъект – объект», «иметь – быть», «форма – содержание», «время: прошлое – настоящее – будущее» и т. д. При этом разрастание категоризации универсума становится

настолько дискретным, что с трудом реконструируется система в целом. В семантике лексических единиц наиболее сконцентрированы культурные смыслы. Собственно языковая семантика присутствует и на всех иных уровнях, она является интегрирующим началом, стержнем всей системы. Культурные смыслы, скрыто или явно присутствующие на лексическом уровне, можно рассматривать как преобразующее начало языковой деятельности человека.

В параграфе 2.3 «Системность языка как культурная норма и основа деформации культурных норм» показано, что семантика, является способом упорядочивания языковой сферы человеческой жизнедеятельности. В культурологическом ключе значение языкового знака, с одной стороны, складывается в процессе человеческой деятельности, познания мира и его дифференциации (так как человек обладает сознанием), с другой стороны, в процессе обмена информацией между различными субъектами (поскольку человек – существо социальное). Кроме того, формирование семантики, языкового содержания, смыслов, связано как с механизмом индивидуального добывания информации, так и с фильтрацией индивидуального опыта. В практике формирования коллективного опыта, последний фиксируется в языке, так как только общественное сознание может унифицировать значения, полученные из практической деятельности и общения. В производстве и обработке смыслов отражается диалектика индивидуального и общественно-го. Далее в процессе обмена информацией между субъектами вырабатывается общее содержание. В результате этих процессов формируются языковые модели, в которых воплощается общечеловеческое содержание и возможность использования этих моделей последующими поколениями. Однако противоречивость производства смыслов связана с наиболее важными функциями языка: познавательной и коммуникативной, что выражается оппозициями: 1) язык и концепт (как общее и индивидуальное представление о мире); 2) язык и речь (как вербальное выражение общего и индивидуального представления о мире).

Оппозиция «язык – концепт» отражает представления лингвистов, психолингвистов о том, что опыт, знание о мире фиксируется в концептах, а потом кодируется в языке (Н. И. Жинкин, Р. И. Павилёнис, Е. С. Кубрякова, Ч. Филлмор и др.). Здесь представляется важным для нашего исследования выявленная Е. С. Кубряковой связь сенсорно-перцептивных процессов (осознанием человека себя как части целого на фоне среды, пространства) с языковыми категориями, в основе которых в таком понимании, лежит наглядный, телесный опыт человека, упакованный по принципу контейнера. Концепт формируется речью, а введение понятия «концепт» в средние века разделило прежде единое Слово на язык и речь (С. С. Неретина). В эпоху античности язык представлялся единым, а античная языковедческая традиция занималась исключительно изучением письменных, нормированных, образцовых текстов. С эпохи позднего средневековья в центр мировоззрения встает

человек как личность, сосредоточение природных (материальных) и божественных (духовных) начал, что приводит к появлению единичных, индивидуальных представлений (концептов), реализуемых в субъективном использовании языка (речи). Это противоречие связано с самим языком, с обстоятельствами его формирования и обстоятельствами его использования. Способ разрешения этого противоречия лежит в языке как в системе. Наличие семантического стержня, на который собирается вся система, является нормой. На развитой ступени существования языка стало возможным зафиксировать этот стержень. На фонетическом уровне, в свернутом виде это было зафиксировано в индоевропейских языках в оппозиции «имя – глагол», а в развернутом виде нормой является оппозиция «субъект (S) – действие (V) – объект (O)», которая работает на выживание человека.

На базе универсалий порядка слов в предложении Дж. Гринберга, из анализа его моделей, выводится следствие, что компоненты S, V, O в различных сочетаниях присутствуют во всех языках. Достирая положения об языковых универсалиях, устанавливается, что на глубинном уровне языка универсалией является матрица S–V–O, в которой отражено сознание человека. Данная матрица максимально согласована со способами использования языка в качестве орудия жизнедеятельности человека. И в ней же заложено культурное содержание. Эта матрица – основание, норма, организующая иерархию языковых универсалий. Норма связана с положением человека в универсуме, иерархическая вершина которого – культурная норма. В языках эта вершина (S – V – O) и есть вытяжка всех смыслов, и есть самый глубинный, общезначимый смысл, сопряженный с культурной нормой человеческой деятельности – культуросообразность.

Данную матрицу (S–V–O) можно считать семантической языковой культурной универсалией. Она, с одной стороны, языковая универсалия, т. к. такая структура (в различном порядке следования) выявлена во всех языках мира. С другой стороны, она культурная универсалия, т. к. указывает на системную встроенность субъекта (S) в универсум (O) через действие (V). Найденная матрица описывает системный характер деятельности человека. Иерархические связи между S–V–O предполагают адекватность взаимоотношений мира и человека. Иерархия этих связей (упорядочение совокупности языковых универсалий) показывает, что в основании связей языка и культуры находится человек, развивающийся во времени и пространстве.

Адекватное вписывание в контекст связано с культурной нормой. Существуют этапы выработки нормативного поведения, описываемого языковой культурной универсалией S–V–O и синтаксическим строем индоевропейского праязыка. На раннем этапе выявлены модели предложений: неактивный субъект – неактивный предикат; активный субъект – активный предикат; активный субъект – активный предикат – неактивный объект (эта модель предложения – производная от первых двух) и установлены корреляции между языковыми и философскими конструкциями, устанавливается этап-

ность ступеней самосознания человека в мире: 1) человек – деятельность; 2) человек – взаимодействие с миром, объектом (Ю. С. Степанов). Ведущее место в кодировании социальной информации принадлежит универсальным языковым моделям речевой деятельности (М. К. Петров) и если существует норма, то естественно, существуют и отклонения от нормы, связанные с развитием человека и усложнением языка, появлением концепта как (индивидуального восприятия мира) и индивидуальной реализацией языковой системы в речи.

Оппозиции «язык – концепт» и «язык – речь» отражают современную языковую и культурную ситуацию. Язык теперь рассматривается сквозь призму речевых актов, а сама речь теперь практически не опосредована нормой. Однако, если из фрагментов выстраивать систему, то на вершине иерархии, на лексическом уровне находится наиболее значимая языковая универсалия, которая сопряжена с главным смыслом человеческой деятельности – культурой, ибо культура – это квинтэссенция смыслов человеческой деятельности.

В главе III «Функционирование языка в обществе» рассматриваются процессы обратной связи между языком и человеком, т. е. трансляция посредством языка уже сформированных схем упаковки сведений о мире, передаваемых от человека к человеку, от поколения к поколению. И тогда язык закономерно выступает как средство моделирования человеческого сознания и поведения.

В параграфе 3.1 «Семантическая языковая универсалия и культурная норма» исследуется семантическая (культурная) языковая универсалия, реально работающая и функционирующая в прагматике языка. Кроме того, выявляется ее теоретико-методологическое значение для анализа языка как инструмента человеческой жизнедеятельности, и ее ценностное значение, дифференцирующая и оценочная роль.

В античности основанная на языковой норме лингвистическая техника воспитания человека была разработана очень тщательно. Школы софистов и Сократа сформулировали нормы, каноны, образцы публичной речи. Уже тогда было ясно, что нормы пользования языком открывают доступ к участию в жизни гражданского общества, а позднее – доступ к власти. Формализованная теория «казусов совести», систематизированная риторикой, была призвана регулировать поведение индивида в случае нравственных конфликтов человека и общества.

Однако с эпохи позднего средневековья в современном обществе соотношение языка и человека – по-новому стала осмысляться не только в культуре, но и в языкознании. Возникло новое проблемное поле. В современном индивидуализированном обществе изменяются и тенденции в формировании языка. Язык стал в меньшей степени выполнять свою культурную, нормирующую функцию – моделирования сознания и поведения человека. В связи с нарастанием процессов индивидуализации, которые, впрочем, являются не-

избежными в развитии общества, в языке возникают центробежные процессы, а языковая культурная универсалия (S–V–O) различными способами деформируется, проявляя центробежные тенденции в речевых актах, что и отразилось, в первую очередь, в оппозиции «язык – речь». Для прояснения соотношения (влияния) знаков и их пользователей возник современный раздел семиотики – прагматика (Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, Дж. Л. Остин, П. Ф. Стросон, Дж. Р. Сёрль и др.). В ней выявлены прагматические нормы, существующие подобно необходимым логическим истинам; были сформулированы так называемые коммуникативные постулаты, являющиеся нормой при речевом сотрудничестве (говорить столько, сколько нужно для адекватной передачи информации; не отвлекаться от темы, говорить только правду, говорить вежливо и т. д.). Было доказано, что языковое поведение имеет общность с другими видами поведения человека (Дж. Остин, Н. Хомский, Дж. Росс, А. Е. Кибрик и др.), а языковой механизм отражает и одновременно моделирует прочие виды поведения человека (принципы гештальта, экономии, приоритета, динамического стереотипа и т. д.). На уровне речевых актов языковые процессы строятся со снятием бинарных оппозиций. Здесь существуют не только правила-предписания, но и правила-советы. В связи с этим и весь механизм культуры стали описывать как необходимость компенсации недостатка информации при помощи иных проекций реальности и партнера коммуникации (Ю. М. Лотман).

В целом, формальное изучение языковых процессов имеет постмодернистскую трактовку (подробная детализация составляющих коммуникативного акта, условий его протекания и т. д.). На первый план выступают субъектно-субъектные отношения; коммуникация, лишается способности быть средством адаптации человека в мире, а реализация языка в речи рассматривается с точки зрения формальных характеристик, зачастую с усечением семантики высказывания.

Языковая культурная матрица S–V–O описывает культурный оптимум положения человек в мире, а нормативность в языке, также описываемая этой формулой есть необходимое условие упорядочивания мира. Этой культурной норме необходимо сознательно обучать. Язык не только социализирует, но и окультуривает. Это было осознано и сознательно зафиксировано в системе античного образования, включающем обучение грамматике (нормированному письменному литературному языку), риторике (образцовым текстам), философии (образцам нравственного поведения).

В параграфе 3.2 «Культурная роль классических языков» подчеркивается необходимость обучения нормам (языковым и культурным), рассматривается нормативная функция классических языков – древнегреческого и латинского, его существование в обществе, реальные процессы взаимодействия европейского общества и классических языков, не только связь языка с культурой, но и процессы влияния классических языков на культуру, на модели поведения человека. Автор выясняет, где матрица S–V–O существует реаль-

но, наиболее полно, где она локализована и сконцентрирована. Идеальное существование матрицы S–V–O выполняется в целях управления сложившимися социальными системами, на благо общественной практики.

Древнегреческий язык, в первую очередь, сыграл ведущую роль в оформлении научного знания, в нем произошло замыкание языка на мировоззрение, где функции целостности взяли на себя языковые универсалии. Ставится акцент на существовании бинарных оппозиций лингвистического и бытийного в различных проявлениях (форма – содержание, рациональное – чувственное, мышление – бытие и т. д.). Таким образом, на древнегреческом языке, по мнению М. К. Петрова, образовался общемировоззренческий ключ европейской, основанной на универсализации культуры.

Если говорить о древнегреческой модели, то именно алфавитная основа стала универсальной письменной оболочкой европоцентризма.

Специфика Греции состоит в том, что ее язык и культура транслировали матрицу S–V–O в условиях существования человеческого сообщества при переходе от локальности к всеобщности, от локальных форм существования к всеобщим формам жизнедеятельности. Классические языки в той ситуации стали моделью всеобщих контактов. Алфавитное письмо выступило в роли универсального варианта кодирования информации в Европе. Сохранение матрицы S–V–O в самих языках было связано с технологичностью передачи информации в связи с особым строем древнегреческой грамматики.

Универсализация грамматики на основе греко-латинских грамматик Дионисия Фракийского, М. Теренция Варрона, Доната и Присциана, охватывающая все разделы от фонетики до предложения с его законченной мыслью, как аспектом выживания, стала второй технологической революцией после изобретения письма (С. Ору). Унифицированное описание грамматик языков метрополии привело к более широкой культурной трансплантации, т. е. греко-латинская грамматика изначально предназначалась для регулирования поведения, мышления, рационализации деятельности. Слияние греческой и латинской основ в век Августа завершило процесс становления «классицизма» на основе подражания греческим образцам, была создана официальная программа гиперкультуры на основе образцов прошлого.

Классические языки стали связующим звеном с европейской культурой, которая одна смогла получить планетарное распространение. Латынь и греческий – языки двух первых европейских народов, стоявших у истоков единой европейской культуры. Именно они были избраны в качестве основных древней христианской церковью, и они навсегда останутся главными языками христианского богословия. Латинский язык, римская и вся средневековая латинская культура являются для нас образцовыми в силу их постоянной ориентированности на Грецию, известны регулярные возвращения к ней: каролингское «возрождение» XII в., Предвозрождение XIV в., эпоха Возрождения XV–XVI вв. и др. Кроме этого, можно отметить тот факт, что греческий и латинский языки – единственные из всех языков, имеющие один

свыше 25, другой – свыше 22 веков непрерывной традиции их изучения и преподавания. В силу этого из уже созданного на древних языках отбираются и сознательно создаются образцовые произведения, лежащие в основе школьного образования. Изучение латинского и греческого языков является до сих пор в Европе чрезвычайно важным дополнением к любому светскому образованию.

Языковая культурная универсалия S–V–O, отражающая норму деятельности человека, стратегическое начало его жизнедеятельности имеет национальные варианты. Общественное сознание в Европе по-римски очень рационалистично, в России вслед за Грецией и Византией – эмоционально. В целом греко-римский вариант матрицы S–V–O ценен тем, что в письменной форме была зафиксирована культурная информация. В современном обществе, когда из сети тотальных связей формируется мировое сообщество необходимо синтезировать третий (не западный и не восточный) вариант модели существования матрицы S–V–O. Она должна быть наполнена стратегией движения человека в рамках объективного мира. А эта стратегия и есть культура.

В параграфе 3.3 «Классические гимназии и языковая политика в России (середина XIX – начало XX века)» анализируется, как функционировали латинский и древнегреческий языки в культуре России, в первую очередь, в образовании, реально транслируя матрицу S–V–O и выполняя функцию моделирования сознания и поведения человека.

Период середины XIX века – начала XX века, в рамках которого рассматривается заявленная проблематика, характеризуется противоречивыми тенденциями, событиями и явлениями: либеральные реформы 1860-х годов, контрреформа, столыпинские реформы, формирование оппозиционных блоков во внешней и внутренней политике, первая русская революция, феномен общественной самоорганизации, «серебряный век» культуры. У них есть, несомненно, единый знаменатель – модернизация общества, которая составляет процессы единого структурного изменения общества. Для этого периода актуальной стала тема конфликта культурных ценностей – встреча господствующего в обществе типа личности, страдающей от разрушения традиционных ценностей с современным индивидуумом. В этих условиях образование, как сложный социальный механизм, главная функция которого – воспроизводство опыта, накопленного в культуре и создание условий для его целенаправленного изменения – должно гибко реагировать на быстро происходящие изменения социальной среды и, как следствие, меняться само. Образование и культура находятся в вечном поиске соответствия. История же образования свидетельствует, что механизмы образования всегда определяются исторической ситуацией. В 1860-е годы удачно выбранная система классического образования выступила в качестве модели соответствующей культуры и вобрала в себя множество культурных пластов.

В целом русская классическая гимназия в середине XIX – начала XX вв. по своему содержанию была гуманитарной. Особенно важными предметами для формирования грамотного, европейски образованного человека были древние языки, образовательное значение которых состояло в том, что ученики приобретали навык наблюдать Слово, а через него саму Мысль. При этом, изучая средства выражения, форму слова невольно изучали и выражаемое, и таким образом изучение языка плавно переходило в изучение литературных произведений, истории и культуры.

Очевидно, что дореволюционная классическая гимназия не только готовила к высшему университетскому образованию, но воспитывала интеллигента, человека думающего, с широким европейским образованием, свободой мышления, но в силу специфики исторического развития России ставшего в оппозицию к официальной власти. Несмотря на методики, применяемые в дореволюционной классической гимназии, основные ценности, рожденные античностью, были вняты и понятны российской молодежи перелома XIX–XX веков. Однако в связи с вступлением русского общества в начале XX века в эпоху индустриализма на институт образования возлагается задача прикладного утилитарного обучения, обеспечения общества в классифицированных трудовых кадрах, что приводит к деформации модели классического образования. Тем не менее, оно до революции 1917 года служило универсальности, выполняло культурную функцию, воспитания способности моделировать мир, создавать модели управления различными системами. Методы извлечения и анализа информации, построения схем и структур классических языков представляют всеобщие, образцовые, классические, т. е. именно универсальные знаковые системы, а значит широкие возможности обмена этих текстов, способы углубления понимания, постижения значений этих текстов, ибо по одному из главных законов семиотики значение, смысл возникают именно в результате обмена, перевода текста в текст. Итогом всего этого было воспитание человека – не просто служащего, а гражданина мира, обеспечившего культурный подъем в России конца XIX – начала XX века.

В заключении подводятся итоги исследования и предлагаются направления использования языковой культурной универсалии для решения центробежных проблем в языковой сфере человеческой жизнедеятельности, в первую очередь, в области образования, излагаются общие выводы диссертационного исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки поставленной проблемы.

По теме диссертации опубликовано 13 работ, в которых изложено основное содержание исследования:

1. *Тихомирова Е. Е.* Образовательная ценность классических языков // *Философия образования XXI века.* – 2002. – № 4. – С. 180–183.

2. *Тихомирова Е. Е.* Культурные универсалии в классических языках / *Е. Е. Тихомирова // Философия образования. Спец. выпуск 2.* – Новосибирск, НИИ ФО НГПУ, 2006. – С. 312–316.

3. *Тихомирова Е. Е.* Классические тексты в фундаментальной подготовке гуманитариев // *Пишем времена и случаи: Материалы всерос. науч.-практ. конф.* / Новосибирск, 25–28 апреля 2008 г. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. – С. 219–222.

4. *Тихомирова Е. Е.* Культурные универсалии как основа межкультурных коммуникаций // *Философия образования. Спец. выпуск 2.* – Новосибирск, НИИ ФО НГПУ, 2006. – С. 67–71. (в соавт. с Сунь Чжиго).

5. *Тихомирова Е. Е.* О значении преподавания классических языков в подготовке специалистов по истории мировой культуры // *История мировой культуры и методы ее преподавания. Тез. докл. международной конференции* / 30 октября – 1 ноября 1995. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – С. 133–136.

6. *Тихомирова Е. Е.* Преподавание классических языков глазами современников (к. XIX – н. XX вв.) // *Чуждое-чужое-наше: наблюдения к проблеме взаимодействия культур: Сб. науч. трудов.* – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – С. 142–149.

7. *Тихомирова Е. Е.* Из истории преподавания классических языков в средней школе во второй половине XIX – начале XX века // *Аспирантский сборник НГПУ.* 2001. – Ч. 6. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 42–54.

8. *Тихомирова Е. Е.* Преподавание Закона Божьего в гимназии глазами современников (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Кирилло-Мефодиевские чтения: Христианские традиции и культура России: Материалы науч.-практ. конф.* / Новосибирск, 24–25 мая 2001 г. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 161–173.

9. *Тихомирова Е. Е.* Национально-патриотические и христианские тенденции в развитии образования в России (середина XIX – начало XX в.) // *Этногенез и цивилизованные перспективы в образовании России: Материалы междунар. науч.-практ. конф.* – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 776–781.

10. *Тихомирова Е. Е.* Сравнительно-исторический подход как традиция в преподавании классических языков // *Актуальные проблемы качества педагогического образования: Материалы всерос. науч.-практ. конф.* – Ч. 2. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 148–153.

11. *Тихомирова Е. Е.* Возможны ли новации в классическом образовании? // *Модернизация отечественного образования: сущность, проблемы,*

перспектива // Серия трудов «Философия образования». – Т. XII. – Новосибирск, Изд-во ГЦРО, 2005. – Ч. 2. – С. 273–278. – 0,5 п. л.

12. *Тихомирова, Е. Е.* Культурный потенциал молодежных СМИ при формировании языковой компетенции у иностранных студентов // Инновации в педагогическом образовании: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. / г. Новосибирск, 22–24 октября 2008 г. – В 2-х ч. – Ч. 1.: – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. – С. 248–255.

13. *Тихомирова Е. Е.* Проблемы понимания культурных универсалий при обучении иностранным языкам // Профессиональное образование: От теории к практике: Сб. науч. трудов: По материалам I междунар. науч. -практ. конф. – Вып. 3: В 2-х ч. – Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во НИПКИПРО, 2008. – С. 260–265.

Подписано к печати 17.02.2009. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 334.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.